

Наверное, Янь Жунцю даже в страшном сне не мог представить, что споткнется и упадет в таком месте.

Согласно предварительному тщательному расследованию, Янь Жунцю не умел играть ни на одном музыкальном инструменте, даже никогда не прикасался к ним.

Этот человек... такой тип людей — словно бесчувственные хладнокровные роботы, самое большое их мастерство всегда заключалось лишь в одном:

Давление, экспансия, поглощение.

От имени организатора солгать об изменении мероприятия и отправить первоначальных исполнителей, проникнуть в комнату наблюдения, отключить мониторинг бэк-энда, и наконец тайком заменить последнюю карточку с текстом — даже самый неопытный новый ведущий знает, что итоговый процесс всегда определяется содержанием на карточке с текстом. Таким образом, в самый ключевой момент можно легко нанести смертельный удар, полностью разрушив все мероприятие.

Чем совершеннее и ярче была первая половина вечера, тем неловчее и провальнее становится здесь.

Как говорится, чем выше взлет, тем большее падение — именно так.

Более того, таким образом разрушено будет далеко не только Благотворительный вечер звезд «Гуанхуэй».

Имидж Янь Жунцю, весь имидж корпорации Янь понесет значительный ущерб.

И для такого крупного предприятия, от которого зависит жизнь десятков тысяч сотрудников сверху донизу, потянешь за одно — откликнется все, возможный эффект бабочки действительно огромен и неоценим.

Никто не станет серьезно разбираться в причинах сегодняшней ошибки, все, что увидят люди — это неловкое, растерянное, паническое и уродливое положение Янь Жунцю, представителя корпорации Янь, в концертном зале «Лазурное озеро».

Закрыв глаза, уже можно представить, как завтра первые полосы всех крупных медиа будут занимать новости о резком падении акций корпорации Янь.

Благотворительный вечер звезд «Гуанхуэй»?

Нет, очевидно, это будет ночь позора, которую Янь Жунцю никогда не забудет!

Сотрудник в черном фраке выкатил на сцену хрустальную витрину, остановившись перед Янь Жунцю.

В сверкающем прозрачном сиянии на темно-красной бархатной подушке тихо лежала скрипка.

Ее звали «Мессия», ей уже триста лет, она родилась в золотой период самого известного в мире мастера по изготовлению скрипок Страдивари, обладая высокой ценностью и репутацией.

Ранее «Мессия» хранилась в Музее Ашмола в Оксфорде, Англия, и только в прошлом месяце была куплена Янь Жунцю за высокую цену в двадцать миллионов долларов.

Она была подобна древнему и прекрасному духу, ожидающему, когда ее пробудят от сна.

Множество меломанов и знаменитостей музыкального мира давно мечтали об этой скрипке, они надеялись воспользоваться этой возможностью, чтобы услышать прекрасные и трогательные мелодии, которые она издает под мастерским исполнением.

Да, на «Мессию» также возлагались глубокие ожидания и энтузиазм, и если ее осквернит человек, не разбирающийся в музыке, это станет непростительным грехом, который может даже вызвать всеобщее возмущение.

[Бум]

Освещение во всем концертном зале полностью погасло, остался лишь один мягкий белый луч, льющийся на Янь Жунцю.

Изначально это было намеренно спроектировано для создания лучшей атмосферы и эффекта, но теперь превратилось в огромную насмешку, словно желая сделать этот позор на виду у всех еще более явным, еще более заметным.

Чтобы над ним смеялся весь мир!

На сцене Янь Жунцю медленно наклонился, доставая скрипку из хрустальной витрины.

Он слегка приподнял голову, поместил скрипку на левую ключицу, холодный гладкий корпус словно обладал жизнью, естественно стабилизируясь между плечом и подбородком.

Довольно стандартная поза.

Он взял смычок правой рукой, поднял его, намереваясь положить на струны, но на полпути рука будто внезапно сломалась пополам, бессильно опустившись вниз.

Вид бессильной сдачи без борьбы.

— Что происходит?

— Что-то случилось?

— Может, он слишком нервничает?

— Не может быть, это же Янь Жунцю, разве Янь Жунцю станет делать то, в чем не уверен?

— Почему бы не отдать «Мессию» настоящему скрипачу?

— Именно, Янь Жунцю в конце концов бизнесмен... действительно ли он сможет хорошо играть на этой скрипке?

— Да еще и сложное известное произведение Бетховена, справится ли он вообще?

— Серьезно, как в самом конце может возникнуть такая проблема, это же так разочаровывает?

С каждой текущей секундой, в густом мраке под сценой, эти бормочущие шевеления становились все громче, все отчетливее, словно медузы, таящиеся в глубинах океана, внезапно раскрывали огромные щупальца, протягивая их, густо и плотно окружая Янь Жунцю.

Его руки начали дрожать, грудь слегка вздымалась, на гладком лбу непрерывно выступали мелкие капельки пота.

Не могу. Не могу. Не могу!

Я... не могу...

Действительно не могу.

Соната для скрипки №5 Бетховена фа мажор, поскольку темы всех четырех частей обладают яркими сладкими характеристиками, подобно сияющей весне, также получила у людей название «Весна».

Соната «Весна».

Раньше это было его самое любимое произведение для исполнения.

Первая пьеса, которой Вэнь Линсинь лично научила его.

Но теперь он уже никогда не сможет воспроизвести ту прекрасную весеннюю картину.

Скрипка, «Соната «Весна»» — все, что когда-то символизировало для него тепло и прекрасное, уже давно было глубоко поглощено грязными тяжелыми воспоминаниями.

Уже никогда не вернуть.

Кислород вокруг, казалось, постепенно выкачивался, становясь все более разреженным, Янь Жунцю, словно рыба, потерявшая воду, с трудом отчаянно дышал.

Давно не беспокоившая болезнь желудка, казалось, в этот момент вновь вернулась. Тупая боль волнами тянула и дергала в животе, тяжелая, повторяющаяся, бесконечная.

Янь Жунцю снова попытался поднять смычок.

Нельзя проигрывать. Нельзя сдаваться.

Что вообще такого в этом деле?

Но это дело... это дело...

Почему это должно происходить именно с ним?

Он широко раскрыл глаза, растерянно глядя в зал, там вроде бы должен быть полный мрак, но он почему-то увидел.

Увидел.

Увидел отца и мать, они были единственными, кто имел цвет, единственными, кто имел форму, они смотрели на него, и он тоже смотрел на них.

Янь Жунцю стоял на месте, гнев и разочарование пускали корни под ногами.

Та грязная память, накопленная в сердце, сейчас разбилась на тысячи, на десятки тысяч осколков, все острые фрагменты разом хлынули вверх, с воем проносясь в его сознании.

Превращаясь в ненависть.

Превращаясь в нежелание смириться.

Превращаясь в обиду.

Превращаясь в ядовитые колючие лианы, пронзающие каждый дюйм, каждую часть тела, почти готовые поглотить его целиком, как зимний червяк и летняя трава.

То лето, лето каникул, проведенных в месте, очень похожем на Сихэнчжоу, было самым быстрым отрезком времени в памяти Янь Жунцю.

Сверкающее, полное надежд.

Мама и папа редко ладили так хорошо, не были холодными и безразличными друг к другу, как раньше, он чувствовал, что все сердце стало легче, больше не было того гнетущего чувства бессилия, когда нечем дышать.

Янь Мин и Вэнь Линсинь, вероятно, думали, что их жизнь без ссор и скандалов, просто с четкими границами, не окажет влияния и не навредит сыну, тем более он еще маленький, какие могут быть чувства у ребенка?

На самом деле это было не так, действительно не так.

Янь Жунцю все ясно понимал, все знал, но никогда этого не показывал и не хотел, чтобы родители заметили.

Он упрямо считал, что если будет достаточно послушным, понимающим, усердным и старательным, то сможет сделать их счастливыми, сможет улучшить их отношения.

Он действительно очень любил своего отца и мать.

Особенно маму.

Поэтому, чтобы стать ближе к Вэнь Линсинь, чтобы проводить с ней больше времени, Янь Жунцю впервые в жизни солгал.

— Мама, я хочу научиться играть на скрипке, вы можете меня научить?

Вэнь Линсинь когда-то была известной девочкой-вундеркиндом, играющей на скрипке, если бы не рано вышла замуж в семью Янь, став женой, возможно, сейчас была бы признанной скрипачкой.

Ложь сработала.

Хотя и ненадолго, но подарила Янь Жунцю счастливые воспоминания о времени с мамой.

Но вскоре после окончания того лета, в день, когда у Янь Жунцю был день рождения, все стремительно покатило к неизбежной тьме.

Словно склон горы, размытый и пропитанный ливнями целого лета, наконец с грохотом обрушился.

Вечером он радостно побежал к комнате Янь Мина, папа обещал сегодня провести с ним день

рождения, но, прождав долго и не дождавшись, Вэнь Линсинь велела ему самому позвать Янь Мина.

<http://bllate.org/book/15591/1388576>